

НЕКОТОРЫЕ МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ПРИЕМЫ В ТЕКСТАХ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ НОВОСТЕЙ

Abstract

The paper reviews the problems of manipulative technologies, verbal methods of influence on the individual and public opinion used in the texts of TV news. The following tools of verbal manipulation are distinguished: euphemisation of the past; imitation of the abundance of information; succession in introducing information; alogism of messages.

Для внимательного наблюдателя совершенно очевидно, что перманентные радикальные реформы, развернутые в России, не были бы столь успешными (в каком-то смысле этого слова или с чьей-то точки зрения), если бы не чрезвычайно активное участие и использование в их проведении так называемых СМИ (ср.: «По словам агентства Интерфакс, президент Б. Ельцин считает, что СМИ являются четвертой властью и относятся к силовикам» [ОПТ. 25.12.98] (*силовик*¹ – публ. разг. 'руководитель силового министерства, ведомства или крупного подразделения'; *силовой* – публ....2) 'относящийся к подразделениям государственной власти, призванным гарантировать соблюдение законности и правопорядка, карать за их нарушение, обеспечивать государственную безопасность и опирающимся на военный и полицейский аппарат' [ТССРЯ 2001: 721-722]. Кстати, оба слова снабжены графическими пометами, указывающими на их актуализацию. Ср. следующую иерархию ролей тех, кто ратует за благо народное, построенную явно по признакам убывающей степени их влияния: «От СМИ, органов государственной власти, науки и системы образования, общественных организаций и гражданских движений, от федеральных концепций и программ, наконец, от самих себя мы вправе ожидать расширения мобилизационных усилий по целенаправленной поддержке современных трансформационных процессов» [Губогло 2002: 36].

Конечно, научно-технические изобретения сделали возможной невиданную ранее скорость передачи информации, причем одновременно для многомиллионной аудитории, – но при этом оказалась столь же возможной интенсификация информационно-психологической войны, выражающейся в манипуляциях индивидуальным и общественным сознанием. «Если цель [европейских войн начала XIX столетия] – распространение идей, то книгопечатание исполнило бы это гораздо лучше, чем солдаты» [Толстой 1981: 249]; понятно, что в этом отношении радио и особенно телевидение, с помощью видеоряда транслирующее или успешно имитирующее действительность, гораздо более эффективны в своем влиянии на психику и поведение людей, которым даже и не обязательно быть грамотными (т.е. хотя бы в малой степени уметь читать).

Одним из существенных признаков современного мироустройства

справедливо считают **медиазацию** – «процесс и результат глобального воздействия на мышление индивидов при помощи различных медиа, выражающегося в формировании картины мира посредством специфически медийных когнитивных структур познания и представления реальности – возникающих при взаимодействии индивида с глобальным информационным пространством» [Рогозина 2003: 121]. При этом формируется особая **медиа-картина мира** – «продукт непрерывной информационной деятельности по познанию мира, сопровождающаяся постоянной экстернализацией содержания сознания отдельных людей, его мультипликацией и последующей трансляцией на аудитории, имеющие массовый характер» [Рогозина 2003: 122].

Степень зависимости потребителей продукции СМИ от предлагаемой им «духовной пищи» (точнее, конечно, ее суррогатов) может быть – и оказывается, как свидетельствуют некоторые данные, – чрезвычайно высокой, сродни наркотической: ср. чуть ли не всеобщее увлечение «россиян» многочисленными телесериалами, ток-шоу, реалити-шоу, «юмористическими» (скорее, все-таки пропагандистскими) передачами и т.п. (По некоторым данным, «в 1994 г. на сахаровских чтениях Е. Боннэр учила президента Ельцина никогда не пользоваться этническим именем русский, а заменить его прозвищем россиянин» [Миронова 1997: 6]. Ср. иронический комментарий современного писателя: «О русской идее здесь напоминало только блатное обращение «россияне», всегда казавшееся Татарскому чем-то вроде термина «карестанты», которым воры в законе открывают свои письменные послания на зону, так называемые «малявы» [Пелевин 1999: 180]. Несмотря на мощную и непрерывную пропагандистскую обработку, посредством которой большинству населения России пытаются внушить весьма коварную самоидентификацию «россияне», всё-таки, по некоторым данным, после того, как прежнее идеологизированное определение общности «советский народ» утратило смысл и соотношение с былыми реалиями, «фактор национальности оказывается гораздо важнее, чем гражданство. Интересно, что «русские» [кавычки принадлежат цитируемому автору. – А.В.] в два раза чаще предпочитают называть себя именно этим словом, а не словом «россияне» [Сергеева 2004:240]) Это весьма напоминает эпизоды почти пророческого романа Р. Брэдли «451° по Фаренгейту», большинство действующих лиц которого настолько увлечено перипетиями псевдожизни телевизионных персонажей, что совершенно не обращает внимания ни на своих близких, ни на события реальной действительности (в которой, между прочим, неотвратимо назревает ядерная война). Происходит то, что полуиронически формулируется современным писателем как «самый существенный феномен конца второго тысячелетия.... Смене изображения на экране в результате различных техномодификаций можно поставить в соответствие условный психический процесс, который заставил бы наблюдателя переключать свое внимание с одного события на другое и управлять своим вниманием так, как это делает за него съемочная группа. Возникает виртуальный субъект этого психического процесса, который на время телепередачи

существует вместо человека, входя в его сознание как рука в резиновую перчатку.... Для человека, смотрящего телевизор, ничего реальнее этого виртуального субъекта нет.... Чувства и мысли, выделение адреналина и других гормонов в организме зрителя диктуются внешним оператором и обусловлены чужим расчетом» [Пелевин 1999: 104-105].

Что же касается вышеназванных российских «юмористических» телепередач, то о них следует сказать особо. Тиражируемые телевизионные тексты местечковых скетчистов весьма многочисленны и как-то натушно веселы (что – на общем малорадостном фоне – невольно заставляет вспомнить классическое «восславим царствие Чумы»); при этом они, как правило, довольно однородны: и тематика, и содержание, и манера сценического исполнения (за очень редкими исключениями) направлены на переориентацию аксиологических координат социума, низведение его духовных потребностей до уровня удовлетворения физиологических инстинктов. Как метко сформулировал И. Волгин, происходит «быдловизация всей страны».

В связи с этим сто́ит обратиться к произведениям Ф.М. Достоевского; они, «будучи переведенными на другие языки, стали тем знанием о системе под названием «Русский народ», которое и явилось основой для современных разработчиков стратегий и тактик информационной войны». Здесь же приводится высказывание одного из персонажей писателя: «Весь закон бытия человеческого лишь в том, чтобы человек всегда мог преклониться пред безмерно великим. Если лишить людей безмерно великого, то не станут они жить и умрут в отчаянии» – с комментарием: «Информационное же оружие можно применять как раз для уничтожения в человеке именно этой связи с «безмерно великим». После этого до идеи самоуничтожения он дойдет уже сам» [Расторгуев 2003: 192] (ср. фразеологизм *ничего святого*).

Действительно, глубоко символичен тот факт, что роман, содержащий прообраз классической стратегии информационной войны, называется «Бесы». Многие речи и поступки его персонажей (либералов, революционеров и т.п.) удивительно созвучны актам сегодняшних деятелей, таких же Лямшиных. Напр.: члены «кружка» Верховенского-старшего «впадали в общечеловеческое»; «наш русский либерал прежде всего лакей и только и смотрит, как бы кому-нибудь сапоги вычистить»; «они первые были бы страшно несчастливы, если бы Россия как-нибудь вдруг перестроилась, хотя бы даже на их лад, и как-нибудь вдруг стала безмерно богата и счастлива», а сам Верховенский-отец решает, что «русские должны быть истреблены для блага человечества, как вредные паразиты». Когда «в моде был некоторый беспорядок умов», членов другого кружка (супруги губернатора), мастеров устраивать публичные скандалы, «звали насмешниками или надсмешниками,

потому что они мало чем брезгали». Наконец, организация Верховенского-младшего ставила своей целью «систематическое потрясение основ, ...разложение общества и всех начал»; «систематическою обличительною пропагандою... зародить цинизм., полное безверие во что бы то ни было... наконец, ввергнуть страну..., если надо, даже в отчаяние» [Достоевский 1957: 36, 146, 147, 229, 336, 570, 696].

Среди прочих «забавных штук», придуманных одним из «бесов»-активистов Лямшиным (впрочем, «был слух, что Лямшин украл эту пьеску у одного талантливого и скромного молодого человека., который так и остался в неизвестности»), была и «забавная, под смешным названием: «Франко-прусская война». Начиналась она грозными звуками «Марсельезы» Слышался напыщенный вызов, упоение будущими победами. Но вдруг, вместе с варьированными тактами гимна, где-то сбоку, внизу, в уголку, но очень близко, послышались гаденькие звуки «Mein lieber Augustin». «Марсельеза» не замечает их.; но «Augustin» все нахальнее, и вот такты «Augustin» как-то неожиданно начинают совпадать с тактами «Марсельезы»... «Марсельеза» как-то вдруг ужасно глупеет: ...это вопли негодования, это слезы и клятвы с простертыми к провидению руками... Но она уже принуждена петь с «Mein lieber Augustin» в один такт. Ее звуки как-то глупейшим образом переходят в «Augustin», она склоняется, погасает... Но тут уже свирепеет и «Augustin», который переходит в неистовый рев... Франко-прусская война оканчивается. Наши [члены «кружка» – А.В.] аплодируют» [Достоевский 1957: 339-340].

В связи с этим эпизодом можно привести аналогичную современную «забавную штуку» – песенку русскоязычной группы «Ван моо» (видимо, от англ. *one more* – «еще раз»). Текст этого произведения начинается примерно так: «У меня дружок есть Ваня, он играет на баяне: по полю-полю» с рефреном: «Такие песни поем мы вместе», рефреном второго куплета звучало уже кришнаитское «Харе Рама», а в третьем *crescendo* нарастала «Хава нагила», сопровождавшаяся соответствующим национально-танцевальным представлением, и – «Такие песни поем мы вместе!». Всё сливается в торжествующих звуках «Хава нагила»... Разные российские телеканалы настойчиво транслировали этот шедевр по несколько раз в день... Любопытно, что о дальнейшей творческой судьбе группы «Ван моо» ничего более неизвестно (то ли она прекратила существовать, то ли обрела какую-либо историческую родину); не менее любопытно, что «забавная штука» особенно активно демонстрировалась приблизительно в июле – сентябре 1993 г.. При желании, конечно, это можно считать неким случайным совпадением. Но в медиатизации как выражении информационно-психологической войны случайности допускаются редко; точнее говоря, они обычно хорошо

продуманы, поскольку также используются в целях манипулирования.

Известны различные определения манипуляции. Ср. следующие лексикографические дефиниции: *манипуляция* – 1) 'движение рук, связанное с выполнением определенной задачи, напр. при управлении каким-л. устройством'; 2) 'демонстрирование фокусов, основанное преимущественно на ловкости рук, умение *отвлечь внимание зрителей от того, что должно быть от них скрыто*' [курсив. – А.В.] 3) 'махинация, мошенническая проделка' [СИС 1979: 300]. Вероятно, на основе двух последних значений (одно из которых является к тому же метафорическим, что, наверное, облегчило его переход в иные сферы использования) развилось несколько иное – как специального термина социальных наук: «*манипуляция* – (соц. и соц.-псих.) 'система способов идеол. и дух.-псих. воздействия с помощью средств массовой коммуникации на массы с целью их подчинения бурж. ценностям и образу жизни, насаждения потребит. психологии, антикоммунистич. идеологии' [СЭС 1983: 755]. Этот термин, очевидно, призван был служить отрицательно-оценочным обозначением явления, присущего враждебным социальным процессам и тем СМИ, которые их обеспечивают. Ср.: «...В условиях буржуазного общества главной функцией массовой коммуникации является социальная манипуляция общественным сознанием, адаптация населения к стандартам и канонам буржуазного образа жизни...» [Ножин 1974: 8].

Впоследствии появились и более нейтрализованные определения: «Манипуляция – это вид психологического воздействия, при котором мастерство манипулятора используется *для скрытого внедрения* в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент» [Доценко 1996:60].

Отметив, что слово *манипуляция* имеет отрицательную окраску («им мы обозначаем то воздействие, которым недовольны, которое побудило нас сделать такие поступки, что мы остались в проигрыше, а то и в дураках»), С.Г. Кара-Мурза описывает его этимологию и семантические эволюции, приведшие к такому результату: современное переносное значение слова – ловкое обращение с людьми как объектами, вещами. Оксфордский словарь английского языка трактует манипуляцию как «акт влияния на людей или управления ими с ловкостью, особенно с пренебрежительным подтекстом, как скрытое управление или обработка...»; изданный в 1969 г. в Нью-Йорке «Современный словарь социологии» определяет манипуляцию как «вид применения власти, при котором обладающий ею влияет на поведение других, не раскрывая характера поведения, которое он от них ожидает» [Кара-Мурза 2002: 15]. Одним из важных этапов в развитии метафорического употребления слова было, по мнению психологов, искусство артистов, фокусников-манипуляторов, которые способны добиваться эффекта своего высту-

пления, используя психологические стереотипы зрителей, отвлекая, перемещая и концентрируя таким образом иллюзии восприятия. К главным, родовым признакам манипуляции относят следующие: 1) это вид духовного, психологического *воздействия*, мишенью которого являются психологические структуры личности; 2) это *скрытое* воздействие, факт которого не должен быть замечен объектом манипуляции; 3) это воздействие требует от манипулятора значительного *мастерства и знаний*; 4) это *отношение к людям*, сознанием которых манипулируют, не как к личностям, а как к объектам, особого рода *вещам* [Кара-Мурза 2002: 16-17].

Наверное, можно выделить некоторые сферы профессиональной деятельности, где квалифицированное владение приемами манипуляции играет решающую роль в достижении успеха. К таковым возможно отнести, напр., управление различными по количеству и объединяющему их признаку коллективами; образование и культуру (прежде всего т.н. шоу-бизнес); юриспруденцию и журналистику; рекламное дело и связи с общественностью; прикладную социологию и психологию; религию, политическую агитацию и пропаганду, а также некоторые др. Повидимому, особенно значим фактор манипуляции в политике: здесь последствия успешных манипулятивных операций оказываются наиболее крупными и долговременными. «Новые политические условия привели к изменению методов коммуникативного воздействия, но политика – это всегда борьба за власть, а в этой борьбе победителем обычно становится тот, кто способен создать в сознании адресата необходимую манипулятору картину мира. Напр., опытный политик не будет призывать к сокращению социальных программ для малоимущих, он будет говорить только о «снижении налогов». Однако хорошо известно, за счет каких средств обычно финансируется помощь малообеспеченным гражданам» и т.п. [Будаев, Чудинов 2006: 19].

Манипуляции – неизбежный модус поведения и необходимый атрибут и инструмент любой власти так же, как и СМИ, без которых осуществление манипулятивных операций заведомо невозможно (в лучшем случае мало эффективно). «Политические лидеры, СМИ, воздействуя на общество и конкретную личность, используют разнообразные приемы, в том числе и речевое давление, языковое манипулирование» [Семенюк 2001: 279]. Понятие «языковое (речевое) манипулирование» представляется более узким, нежели «манипулирование вообще». Приведем некоторые определения.

Языковое манипулирование – «вид языкового воздействия, используемый для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент. В основе языкового мани-

пулирования лежат такие психологические и психолингвистические механизмы, которые вынуждают адресата некритично воспринимать речевое сообщение, способствуют возникновению в его сознании определенных иллюзий и заблуждений, провоцируют его на совершение выгодных для манипулятора поступков» [Быкова 1999: 99]. – «Под языковым манипулированием нами понимается манипулирование, осуществляемое путем сознательного и целенаправленного использования тех или иных особенностей устройства и употребления языка. Таким образом, языковое манипулирование надо рассматривать как особую разновидность речевого воздействия» [Остроушко 2002: 90]. – «Под языковым манипулированием мы понимаем скрытое воздействие на реципиента (группу индивидов), совершаемое в интересах воздействующей стороны, с целью достижения определенного эффекта. Путем манипуляции в сознание внедряются идеи, образы, ассоциации, стереотипы, которые могут полностью, причем незаметно для человека, изменить его отношение к миру» [Любимова 2005: 1].

Проблемы манипулятивных технологий, методов речевого воздействия на индивидуальное и общественное сознание рассматриваются специалистами в разных аспектах, среди которых, на наш взгляд, главным является анализ особенностей употребления лексико-фразеологических элементов в соответствующих дискурсах СМИ (используем пока – в силу распространенности – последнее обозначение). В каком-то отношении подобный подход весьма традиционен: эффективность информационно-психологических операций основывается прежде всего на активизации именно вербальных единиц и их блоков, вне зависимости от сменяющихся и / или дополняющих друг друга форм и способов хранения и передачи информации (устная речь, письменность, книгопечатание, звукозапись, радио, телевидение) – см. работы В.В. Колесова, Н.К. Фролова, Л.Н. Синельниковой, С.Г. Кара-Мурзы, А.П. Чудинова, А.Д. Васильева и др., где вопросы этого круга рассматриваются под разными углами зрения и на материалах различных источников. При этом постоянно учитывается, что «главная проблема идеологического творчества – это проблема интерпретации (истории, национальной культуры, религии и философии). Главная задача – обеспечение мобилизации с целью манипуляции. Проблемы интерпретации, мобилизации и манипуляции – это прежде всего проблемы языка» [Ветров 2000: 201].

Приемы языкового манипулирования многообразны, потому в настоящей публикации попытаемся характеризовать и иллюстрировать только некоторые из них.

1. Относительный (временный) манипулятивный эффект может произвести замена слова, имеющего или в результате каких-то обстоя-

тельств обретшего в сознании общества негативную оценочность (обычно из-за реалий, этим словом обозначаемых), на другое, приблизительно с тем же лексическим значением, еще не успевшее (как правило, из-за действий той же власти) украсить подобной аурой. Происходит нечто вроде эвфемизации – или, скорее, псевдоэвфемизации, поскольку многие носители языка почти сразу же разгадывают суть этого словесного фокуса. Ср.: «На совещании предложили назвать реформу [жилищно-коммунальную] *преобразованием*, чтобы не раздражать население» [ИКС. КГТРК. 14.05.01]. «В Пенсионном фонде стараются не употреблять слово *реформа*, а говорить о *совершенствовании* пенсионной системы» [Новости. ОРТ. 01.01.02]. «..Почему это и не *реформа* называется, а *модернизация*; мы должны постепенно [!] довести до сведения всех [введение т.н. «профильного образования» – начальник информцентра министерства образования. – Обозрение – 7. 7 канал. 28.10.02]. «Это не столько *реформа*, сколько *оптимизация* Симптоматично и символично, что слово оптимизация (<лат. *optimus* наилучший) – «нахождение наибольшего или наименьшего значения какой-л. функции или выбор наилучшего (оптимального) варианта из множества возможных» [СИС 1979:357] тоже стало манипулятивным эвфемизмом, ср.: «Оптимизация расходов в медицинских учреждениях: сокращение количества коек [в больницах Красноярского края]» [Новости. Прима ТВ.17.12.04] [эти слова министра обороны С.Иванова тут же были интерпретированы диктором так: «Центральный аппарат [армии] будет не столько *реформирован*, сколько *видоизменен*». [Доброе утро, Россия. РТР. 21.04.04]. «Предстоит не *реформа* жилищного законодательства, а его *упорядочивание*» [Вести. РТР. 01.02.05] и др. Остронегативные ассоциации, вызываемые у большинства российских граждан словом *реформа*, когда оно звучит из уст представителей власти и деятелей СМИ, закономерно оправданы собственным малоприятным опытом существования огромной части населения за последние полтора-два десятилетия. Поэтому рядовой телезритель недоумевает: «Почему всюду говорят, что это *реформа* ЖКХ, а на самом деле – *поднятие тарифов*?» [ТВК.04.03.03], а депутат-журналист наконец-то прозревает: «Слово *реформа* жителей нашей страны уже просто пугает» [А.Клешко. После новостей. ТВК. 09.03.04] (кстати, этот же деятель в общем-то справедливо отметил, что «слово *депутат* в нашей стране стало ругательным» [Будни. ТВК. 23.01.03], правда, не объяснив достаточно внятно истоки пейоративности, казалось бы, нейтральной лексемы). По-видимому, именно с учетом отторжения общественным сознанием слова *реформа* как символа всего того, что с ним связано, кремлевские политтехнологи изобрели *национальные проекты*, воспринимаемые, впрочем, тоже, кажется, не с одинаковым энтузиазмом. Заметим, кстати, что используемое во вновь популяризуемом словосочетании прилагательное *национальный* семантически явно тяготеет к амер.-англ. *national* (подр. см. [Васильев 2006]).

2. Интерпретация фактов, в том числе – отдаленного прошлого, для их восприятия и оценки с позиций новых властителей, воспитыва-

вающих или перевоспитывающих таким образом аудиторию: «Кто управляет прошлым, тот управляет будущим; кто управляет настоящим, тот управляет прошлым» [Оруэлл 1989:41]. Ведь одна из важнейших задач информационной войны – сделать так, чтобы заставить информационную самообучающуюся систему [человека, государство...] «смотреть на мир чужими глазами», глазами той информационной системы, на которую данная должна стать похожей, т.е. глазами эталона» [Расторгуев 2003: 136].

Вот как представлен известный военно-исторический факт в одном из выпусков теленовостей: «Ровно шестьдесят лет тому назад произошла крупнейшая *катастрофа* на море. *Русская* подводная лодка потопила немецкое судно «Вильгельм Густлов», на борту которого было *около десяти тысяч человек*. Капитан *русской* подлодки Маринеско *нарушил все инструкции* ведения подводного боя... Немцы *во многом были сами виноваты: не было боевого охранения, плохо поставлена служба...* По некоторым данным, через несколько месяцев Маринеско был *понижен в должности и уволен*» [Сегодня. НТВ. 30. 01. 05.].

Семантические и коннотативные потенции графически выделенных приоритетных слов и синтагм позволяют предложить следующие интерпретации их и всего сообщения аудиторией:

1) *русская* подводная лодка: а) не «советская» (не будем упускать из виду, что последнее прилагательное в официозном публичном российском дискурсе либо употребляется для выражения негативной оценки, либо фактически табуировано [Васильев 2003: 180-211, 13]) (В этом легко убедиться, слушая внимательно, напр., тексты официальных речей и телекомментариев реформаторского периода по поводу Дня Победы: отсутствуют прилагательное *советский*, словосочетания *Советский Союз, советский народ, Красная (Советская) Армия* и им подобные (обычно вместо них произносят *наш народ, наша армия, наша страна* и прочие семантически размытые формулировки). Ср.: «Товарищ министр обороны Российской Федерации! Войска московского гарнизона для парада в ознаменование 56-й годовщины победы [чьей? – А.В.] в Великой Отечественной войне построены» [репортаж о репетиции парада. – Время. ОРТ. 20.04.01]. «Самый грандиозный залп тысячи орудий возвестил миру о победе [чьей? – А.В.] над фашистской Германией» [Доброе утро, Россия. РТР.08.05.03.]. «Празднование 60-летия победы [чьей? – А.В.] над фашизмом должно напомнить [кому? – А.В.] о решающей роли нашего народа [в чем? – А.В.]. [Парламентский час. РТР.30.05.04] и т.п. Неудивительно поэтому ни странные оговорки («трагедия, о которой нельзя забывать...60 лет назад советские войска освободили Освенцим)- неужели это событие кто-то считает трагическим? [Новости. 1 канал. 27.01.05]), ни еще более странные параллели («как и 61 год назад... на полевой кухне дружно празднуют победу солдаты вермахта и Красной Армии» - о военно-исторической игре «Штурм Кенигсберга» [В.Ситникова. Сегодня. НТВ. 10.04.06])); б) *русский* с точки зрения иноязычной и чужекультурной, в том числе – бывшего [?] противника, – абсолютный синоним прилагательного *советский*;

2) «... около десяти тысяч человек ...» – значит, совершено преступ-

пление против человечности (и человечества?); иначе – «военное преступление»; вопиюще антигуманный акт;

3) «Маринеско нарушил все инструкции ведения подводного боя» потому, что а) упомянутый капитан – закоренелый и злостный нарушитель воинской дисциплины; б) соответствующие советские инструкции были совершенно непригодными для применения в обстановке реального боя;

4) никакой особенной заслуги капитана Маринеско и его подлодки в потоплении «Густлова» не было: командование и экипаж германского судна преступно небрежно отнеслись к своим должностным обязанностям, за что и поплатились – якобы с фатальной неизбежностью;

5) «некоторые данные» (почему-то даже приблизительно не документированные, тем не менее, цитируемые как непреложные) свидетельствуют о том, что а) поступок Маринеско не был сочтен военным подвигом с точки зрения советского командования, для которого первостепенную важность имело тупое соблюдение официально утвержденных правил ведения боя, а не результативность операций; б) даже таких выдающихся капитанов советская власть не могла (не хотела?) ценить по достоинству.

Конечно, трудно судить о том, каковы были подлинные интенции авторов анализируемого сообщения, но общий смысл и вероятный манипулятивный эффект состоят приблизительно в следующем: совершенно случайно капитан Маринеско, нарушитель дисциплины (и, возможно, профессионально неграмотный командир), потопил мирное пассажирское судно, презрев законы человечности (потому что русский); однако даже такое страшное преступление тогдашней антигуманной властью не было расценено как подвиг (что вообще, по-видимому, должно было бы произойти). Разумеется, ключевым здесь является слово *катастрофа*, характеризующее, с одной стороны, масштаб события, с другой – высокую долю его стихийности, стечения обстоятельств.

И всё же: можно не сомневаться в том, что потопление «Вильгельма Густлова» стало действительно катастрофой – но для Германии: ведь на борту судна транспортировали для участия в дальнейших боях против советской армии тысячи хорошо подготовленных офицеров и курсантов-подводников (так же, скажем, как *катастрофой* можно при желании считать исход Сталинградской битвы) (Удивительно, но, то ли из соображений конкуренции (или создания ее видимости), то ли ради разнообразия (или его имитации), другой телеканал сообщил о том же военно-морском событии в формулировках, куда более близких историческим фактам: «На борту «Вильгельма Густлова» было 6740 человек по судовому списку, но их было от семи до десяти тысяч – 80 экипажей для новейших немецких подлодок ... Во время войны «Густлов» был превращен в учебную базу немецкого подводного флота... Маринеско отправил под ВОДУ целую немецкую дивизию. Они [такие суда, как «Густлов»] были боевые немецкие корабли»

[Новости. 1 канал. 05.05.05). Итак: подвиг советского капитана и его экипажа – или катастрофа? Несомненно, последнее: такую трактовку факта навязывают аудитории, заставляя ее «смотреть на мир глазами эталона». Любопытен по аналогии частный пример манипулятивной операции того же «эталона»: В. Бергсдорф упоминает, что «в нацистской Германии специальным распоряжением министерства пропаганды от 22.08.1936 было предписано именовать погибших немецких солдат не «gefallenen» («павшие»), а «ermordeten» («убитые»), дабы подчеркнуть, что национал-социалистические бойцы пали не в битве с честным врагом, а были злодейски убиты» [Остроушко 2002: 88].

3. Одним из наиболее распространенных приемов, который, пожалуй, самым интенсивным образом практикуется в дискурсе российских телеканалов (особенно в выпусках новостей), является имитация обилия информации. Такой прием используется постоянно; с пропагандистской точки зрения он очень плодотворен, так как оказывается, при обычной своей внешней малозаметности, чрезвычайно эффективным инструментом выработки того отношения аудитории к тем или иным фактам и лицам, которого, вероятно, желают манипуляторы. Казалось бы, такая мелочь, как кончик гвоздя, торчавший из табуретки на кухне президента Ельцина и тщательно обследованный Э. Рязановым в его сугубо документальном фильме, является на самом деле очень значимой. Она «очеловечивает» образ главы государства («вот, дескать, и у него то же, что у нас»), заставляя к тому же наглядно убедиться в его круглосуточной занятости великими делами на благо России (из-за чего на устранение собственных бытовых неудобств нет ни времени, ни сил). С помощью этого приема возможно сотворение мифологических фрагментов картины мира требуемой конфигурации. Скажем, из передач телезритель узнает о гастрономических, музыкальных, спортивных и т.п. вкусах и пристрастиях высших руководителей страны, их умений (без малейшей специальной подготовки!) управлять стратегическим бомбардировщиком или командовать подводной лодкой (не «Курском») (невольно вспоминается пушкинское «..то мореплаватель, то плотник..»); о ближайших родственниках этих руководителей, их семейных традициях, домашних животных и прочем, столь же насущном для электората. Однако подлинные ориентиры и приоритеты представляемого («позиционируемого») таким образом персонажа, мотивация его решений по кардинально важным политическим, социальным, экономическим вопросам по-прежнему остается телеаудитории неведомой.

Приведем также в качестве примеров ряд сообщений, прозвучавших по разным телеканалам, о деятельности так называемых *антиглобалистов*.

«Разъяренные молодчики (*антиглобалисты* в Германии)» [Новости. ОРТ.

02. 05. 02.] (здесь оценка обозначаемых лиц – а заодно, очевидно, и системы их взглядов, – дается не только за счет семантики атрибутива *разъяренные* «охваченные яростью, бешенством» (МАС 2), но и очевидной негативной коннотацией существительного *молодчик* – ‘человек, обычно молодой, нарушающий нормы общественного поведения, способный на преступления, на хулиганство и т. п.’ (МАС 2).

«*Антиглобалисты* (в Калгари) ведут себя на удивление мирно» [Вести. РТР. 27. 06. 02] (оказывается, сам факт мирного поведения *антиглобалистов* должен быть удивительным). «В Зальцбург стянуты огромные силы австрийской полиции. И пока эти меры себя оправдывают: *антиглобалисты* ведут себя мирно» [Вести. РТР. 17. 09. 02] (можно предположить, что только угроза применения значительного контингента сил правопорядка способна удержать *антиглобалистов* от неких страшных гипотетических злодеяний).

«Нью-йоркская полиция арестовала около шестисот *антиглобалистов*... Они [во время заседания Международного банка реконструкции и развития] закидали полицию дымовыми шашками и разбили несколько витрин... На центральных улицах Нью-Йорка убраны даже [!] урны: полиция опасается, что *антиглобалисты* могут использовать их как оружие» [Сегодня. НТВ. 28. 09. 02] (картина возможного нападения *антиглобалистов*, вооруженных уличными урнами, то ли на симпатичный МБРР, то ли на беззащитную американскую полицию, способна напугать не только слабонервных).

«Для *антиглобалистов* это историческое решение [о приеме в НАТО семи новых членов] – лишний повод выйти на улицы [Праги] с лозунгами... Профессиональные нарушители общественного порядка» [24. Ren TV – 7 канал. 21.11.02] (напомним, что сравнительно недавно «историческими» обычно именовались – в советском пропагандистском дискурсе – решения партийных съездов и пленумов ЦК КПСС: налицо своеобразная преемственность; итак, с одной стороны, «исторические» (т.е. имманентно положительные и сугубо благодатные для человечества) решения, с другой – противостоящие им лица, квалифицируемые, по существу, как профессиональные хулиганы, нарушители общественного порядка и спокойствия без каких бы то ни было оснований).

«Демонстранты, в основном *антиглобалисты* и пацифисты, жгли костры и ломали кустарники. Полиции удалось оттеснить демонстрантов...» [Вести. РТР. 28.02.03 – о демонстрации в Вене против войны в Ираке] (зритель невольно начинает симпатизировать героическим венским полицейским, которым «удалось» – как можно предположить, преодолев ожесточенное сопротивление вероятно превосходящих сил противника, – восстановить необходимый *Ordnung*).

«Миролюбивые швейцарцы, соблюдая права человека, разрешили демонстрацию *антиглобалистов* [в Давосе], а теперь с тревогой ждут... Если демонстрация пройдет мирно и без эксцессов, это станет небольшим чудом...» [Сегодня. НТВ. 25.01.03] (иначе говоря, любое выступление *антиглобалистов* является агрессивным. Любопытно, кстати, заметить: возможная

интенция адресанта вполне может быть интерпретирована следующим образом: швейцарцы – миролюбивые блюстители прав человека, однако стоит ли соблюдать последние, имея дело с коварными (ср. эффект тревожного ожидания; мирный исход демонстрации настолько малопредсказуем, что его надо считать чем-то сверхъестественным) и агрессивными *антиглобалистами*; логично поэтому предположить, что *антиглобалист* – в общем-то, не совсем и человек. Между прочим, здесь же как о главном сообщается: к этой демонстрации «подготовились журналисты»).

«К границам Швейцарии [в преддверии саммита «большой восьмерки»] стягиваются усиленные наряды полиции, чтобы не допустить массового проникновения *антиглобалистов*» [Время. ОРТ. 21.05.03] (для постоянного потребителя телевизионных новостей такая информация уже не является неожиданной: понятно, что нельзя допускать, чтобы профессиональные хулиганы хоть чем-нибудь обидели руководителей «большой восьмерки»).

«В Берлине разворачивалось настоящее сражение [!]. Так *антиглобалисты* решили отметить 1 Мая [Очевидец. Рен ТВ – 7 канал. 31.05.03] (еще раз напоминает об агрессивной сущности *антиглобалистов*, а заодно делается попытка ассоциировать их деятельность с 1 Мая – некогда (в СССР) Днем международной солидарности трудящихся, а ныне – благопристойно внеклассовым Праздником Весны и Труда) (Занятно, что, по мнению российских тележурналистов, и за рубежом теперь отмечают этот праздник; так, рассказывая о драке берлинской молодежи с полицией, корреспондент заметил: «Немецкие демонстранты очень бурно отмечают Праздник Весны и Труда» [Сегодня. НТВ. 01.05.06]).

«Протесты в Женеве *антиглобалистов* приняли откровенно агрессивную форму» [Вести. РТР. 02.06.03] (телезритель, по-видимому, воспримет такую оценочную информацию как нечто само собой разумеющееся).

«Настоящей трагедией обернулась акция *антиглобалистов* в мексиканском городе Реконкун» (некий «кореец» – не вполне ясно, был ли он *антиглобалистом*, но это, в конечном счете, и неважно с точки зрения адресанта, – «нанес себе ножевые ранения»; «знакомые говорят, что это был акт отчаяния» – также неизвестно чем вызванного) [Вести. РТР. 12.09.03] (склонность к членовредительству, суициду, самоуничтожению – неотъемлемая черта любого *антиглобалиста*).

«*Антиглобалисты* вышли на улицы с плакатом «G 7 – pigs banquet» (т. е. «Большая семерка – банкет свиней») [НТВ. 09.02. 04] – *антиглобалисты* грубы и неблагодарны.

Ну и, конечно же, само собой разумеется, что по-прежнему «швейцарские власти опасаются выступлений *антиглобалистов* [в Давосе]... Силы безопасности работают в усиленном режиме, чтобы не допустить возможных эксцессов» [Новости. ОРТ. 26.01.05]: *антиглобалисты* совершенно неисправимы.

«...Начнется марш *антиглобалистов* [в Шотландии]. Многие жители уже

ставят *стальные решетки* на окна... Глав государств разместят в отеле, который без труда превращается в комфортабельную *крепость*» [Вести. РТР. 06.07.05]. – «Идиллическая картина в двухстах метрах от *линии фронта*... *Антиглобалисты* отступают под натиском превосходящих сил противника» [Новости. 1 канал. 07.07.05] и т.д.

Конечно, примеры подобных сообщений можно было бы без особого труда умножить; впрочем, наверное, достаточно приведенных, чтобы понять: создается инвариантный образ опаснейшего для «мирового сообщества» врага, совершенно беззащитного, способного на любые бесчинства и преступления во имя достижения своих целей (заметим попутно, каково трогательное единодушие разных российских телеканалов; недаром, наверное, слово *плюрализм*, столь популярное в период т.н. перестройки, явно удалилось в пассивный словарный запас).

Вполне естественно в сложившейся ситуации, что и Россия не отстает от «цивилизованных государств» (между прочим, кажется, никто еще не объяснил четко и внятно семантику этого несомненно мелиоративного словосочетания, ставшего – или сделанного? – устойчивым; еще труднее представить себе «нецивилизованное государство»: это, наверное, то ли толпа, то ли орда). Сообщается «о недопущении *антиглобалистов* на грядущие юбилейные торжества в Санкт-Петербурге» [Б. Грызлов. Вести. РТР. 12.02.03].

Небезынтересно, однако, что на этом фоне дружного и сплоченного противостояния *антиглобалистам* (и, вероятно, *антиглобализму* как таковому) совершенно отсутствует полная и недвусмысленная информация о том, что же представляет собою феномен *глобализации*. Удовлетворительного ответа на этот вопрос не дают ни многочисленные политологические справочники, ни новейшие лексикографические издания. Если иметь в виду уже, наверное, прочно укрепившийся в массовом сознании сугубо негативный стереотип *антиглобалиста* («два года назад... тысячи *противников глобализации* били стекла и дрались с полицией» [24. Реп TV - 7 канал. 21.11.02]); ср. уже в художественном произведении: «У меня возникла *дурная антиглобалистская идея*» [сериал «Светские хроники». ТВК. 30.09.02]), то простейшая – обыденная – логика подсказывает единственно правильный ответ: глобализация – нечто чрезвычайно хорошее и полезное; может быть, это единственный путь спасения человечества от вселенской катастрофы. Ср. некоторые (впрочем, и так единичные) примеры употребления родственных слов: «*Глобальные процессы стратегического партнерства*» [Вести. РТР. 14.06.02.] – за последние годы российское общество, кажется, прочно приучили к тому, что партнерство – это всегда хорошо. Вспомним хотя бы назойливую рекламу МММ: «Я не халявщик, я партнер!» (об истории слова *партнер* в русском языке см.: [Васильев 1993: 54-56]); прилагательное *стратегическое*, вроде

бы оценочно нейтральное, тем не менее обладает несомненно позитивным коннотативным потенциалом). «Президент Путин [выступая в Пекинском университете] призывал [кого?] придать процессам *глобализации* более прозрачный и управляемый характер» [Вести. РТР. 03.12.02].

Итак, получается, что *глобализация*, содержание и перспективы которой (в частности, для России) никто, кажется, и не стремится обнародовать, – это хорошо.

Однако объективности ради сто́ит, наверное, обратиться к иным источникам информации; напр., к тем, которые уже традиционно специалистами в самых разных областях именуются «оппозиционными» (пространность приводимой нами далее цитаты оправдывается скудостью сведений о семантике описываемых лексем): «*Антиглобалисты*» – это действительно ругательство, ярлык, кличка, придуманная врагами этих людей. Сами себя они «*антиглобалистами*» не называли и не называют. Западная пресса тоже их так давно уже не называет: приучили – тысячи человек, давая западным СМИ интервью, начинали эти интервью со слов: «И перестаньте наконец называть нас «*антиглобалистами*», если не хотите попасть под суд»...; эти люди называют себя «новым антикорпоративным движением». Или «новым антикапиталистическим движением». Или – чаще всего – «движением за глобальную демократизацию» (ДГД). То есть они не «*антиглобалисты*», а самые что ни на есть последовательные *глобалисты*. Что такое «*глобализация*»? Это – возникновение единой мировой экономики, единого мирового рынка – такого, какими были раньше национальные рынки, то есть единого рынка капитала, единого рынка товаров и услуг, единого рынка рабочей силы. И национальные границы никак не должны мешать этому единству... ДГД выступает не против «глобализации», а против тех форм, в которых транснациональные корпорации (ТНК) навязывают ее человечеству... ТНК, хотя и называются «транснациональными», тесно привязаны к банковскому капиталу США... Выяснилось, что подавляющее большинство ТНК обогащают финансовую верхушку США и что эти действия обусловлены «Вашингтонским консенсусом» [еще одно недавно популярное у нас слово! – А. В.] – пакетом полулегальных соглашений, заключенных в 1980-е гг. между министерством финансов США, МВФ и Всемирным банком...; политика МВФ разрушила экономику десятков стран мира... «Глобализация по МВФ» привела к чудовищному росту нищеты в мире и к форменному истреблению населения планеты голодом... В ряды демонстрантов были засланы сотни провокаторов..., для того чтобы оправдать репрессии против демонстрантов... Против чего и кого выступает ДГД? Против МВФ, Всемирного банка, Всемирной торговой организации (ВТО), ТНК, «Вашингтонского консенсуса», всевластия финансового капитала, превращения человека в товар...» [Тарасов 2003]. Контраст с телевизионными сообщениями

просто разительный. Не беремся здесь судить о том, чья позиция (имплицитно подаваемая официальная или эксплицитно представленная оппозиционная) ближе к истине.

Стóбит сопоставить также и точки зрения некоторых специалистов. В то время как одни из них выдают за аксиому необходимость эволюции российского общества «от локализма к глобализму» (естественно, столь же насущны переходы «от социализма к капитализму, от коллективизма к индивидуализму, от романтизма к рационализму» – по видимому, от безусловно плохого к абсолютно хорошему, причем толком не объясняется, в чем преимущество этого хорошего не для цитируемого автора лично, а для упомянутого общества в целом [Губогло 2002: 36]), другие пытаются всё же анализировать тенденцию и прогнозировать последствия ее триумфального финала. Оказывается, в частности, что «глобализация имеет в виду процессы, в условиях которых национальные государства и их суверенитет вплетаются в паутину транснациональных субъектов и подчиняются их властным возможностям.... Складывается парадоксальная ситуация, когда лица, получающие фантастические сверхприбыли (олигархи, в российском понимании), становятся виртуальными налогоплательщиками; реальные же налогоплательщики – основная масса тех, кто в полной мере испытывает на себе неблагоприятное влияние глобального проявления экономики. Именно на эту часть населения (в России это люди со средним и ниже среднего доходами) возлагается основное бремя по выполнению государством социальной функции» [Иванец, Червонюк 2003: 87, 89].

Как видим, вероятные результаты не ограничиваются лишь (хотя и это само по себе немало) утратой государственного суверенитета и национальной идентичности. Ср.: «Кому принадлежит Россия? Она принадлежит акционерам, и они извлекают из нее дивиденды» [А. Пивоваров. НТВ. 04.03.02]. «Америке нужны стабильные партнеры, и Россия – один из них. Первые 240 тысяч тонн российской нефти точно 4 июля [т.е. в день главного праздника США – Дня независимости] доставлены в Хьюстон» [Вести. РТР. 07. 07. 02] – «Нынешнюю – сырьевую – Россию в ВТО уже ждут с нетерпением» [Доброе утро, Россия. РТР. 29.10.02]. – «Мы партнеры в том смысле, что Россия является ресурсной для западных стран» [цитата из выступления Дж. Шлезинджера, бывшего директора ЦРУ США. – Однако. ОРТ. 30.01.04]. – «В разгар энергетического кризиса в США прибыл первый танкер с грузом сжиженного газа из России... «Газпром» выходит на американский рынок» [Новости. 1 канал. 02.09.05] и т.п. Таковы в реальности результаты того, что изящно именуется «глобальными процессами стратегического партнерства» [Вести. РТР. 14.06.02]. Ср.: «Научно и промышленно отсталые страны должны будут платить за Зрелища ту цену, которую им установит производитель [т.е. победитель в информационно-психологической войне. – А.В.]. А собирать эту плату они будут за счет

безжалостной эксплуатации собственных недр и собственных народов» [Расторгуев 2003: 422].

4. Эффективный манипулятивный прием – последовательность подачи сообщений в телевизионных выпусках новостей. Обычно на первое место выносятся наиболее значимые для аудитории известия – или же те, которые зрителям предлагается считать первостепенно важными.

Напр., местный (государственный) телеканал сообщает: «Главная новость дня: задержан бежавший из зала суда [рецидивист]... Ввоз отработанного ядерного топлива на территорию края будет продолжаться» [ИКС. КГТРК. 14.02.02]; из чего можно заключить, что дальнейшее превращение территории Красноярского края в свалку отходов зарубежных атомных производств не столь уж опасно для красноярцев по сравнению с угрозой, исходившей от беглого подсудимого. Или: «В начале выпуска – срочное сообщение из США. В результате авиакатастрофы погибли 19 человек [следуют леденящие душу подробности]. Теперь – к другим темам. 24 тысячи россиян живут в домах, где температура немногим выше нуля...» [24. Ren TV – 7 канал. 08.01.03]; понятно, что упомянутым «россиянам» собственное вымерзание может представиться не таким уж страшным на фоне ужасного события, трагически оборвавшего жизни граждан цивилизованной страны. «ЧП в зоопарке «Роев ручей»: погибли уссурийский тигр и пума. Прошли похороны красноярского милиционера, погибшего в Чечне» [Новости. «Афонтово». 21.01.03]; поскольку здесь же было сообщено, что каждое из умерших животных стоило 4-5 тысяч американских долларов, то, в сопоставлении с судьбой очередного павшего в «контртеррористической операции» (да и еще, наверное, не стоившего таких денег), это событие кажется более важным.

Возьмем также в качестве довольно типичного примера тематику и последовательность подачи новостей программы «Вести» [РТР. 27.07.04]: 1) состоялся съезд демократической партии США; 2) «Джордж Буш опять упал с велосипеда..., отделался легкой царапиной на колене» (это – «главные новости»).

«К другим новостям»: 3) «сразу несколько мощных взрывов прогремело в центре Багдада. Там расположено американское посольство...»; 4) «еще один заложник освобожден в Ираке»; 5) исламские активисты не борются больше с американцами, а с алкоголиками – как противниками Корана; 6) «в» Украине завершается выдвижение кандидатов в президенты; 7) «флагман Северного флота крейсер «Петр Великий» встал на боевое дежурство»;

«Коротко о некоторых других событиях за рубежом»: а) «стрельба» израильтян в палестинцев в палестинском лагере беженцев; б) на Кубе построена первая морская буровая платформа; в) португальские власти просят Евросоюз о помощи в борьбе с лесными пожарами; г) индийский штат Трипура отрезан наводнением; д) на Землю обрушилась магнитная буря; е) компьютерный вирус заблокировал работу Интернета; ж) уникальная находка археологов

в Армении – стоянка людей эпохи мезолита; 3) количество медалей для предстоящей олимпиады; «Вести» продолжают следить за событиями в России и за рубежом» (между прочим, в тот же день, по сообщениям других СМИ, произошло еще немало важного, в том числе и взрыв в центре Воронежа) (Ср. реакцию на теленовости литературного персонажа – «простого американца»: «Последние известия – с одного на другое пересказывают, ну прямо цирк какой-то. И бестолковщина, как в брошюре про укрепление здоровья» [Гарднер 1981: 203]. Однако, как видим, векторы манипулятивных тенденций обнаруживаются довольно четко).

Ср. иерархию композиционной структуры некоторых других выпусков новостей:

1) ООН запретила Израилю провести депортацию Ясира Арафата; 2) в результате урагана сто тысяч жителей Вашингтона остались без электричества; 3) новости российской политики: Госдума приняла главный финансовый документ – бюджет страны... [24. Ren TV. 20.09.03];

1) как лечат овчарку Рекса, которую сторож заповедника подстрелил, приняв за бродячую; 2) 60-я годовщина прорыва блокады Ленинграда [этот сюжет в несколько раз короче предыдущего. – Новости. ТВК. 27.01.04].

1) «Президент США Джордж Буш совершенно здоров. Его состояние даже лучше, чем год тому назад» [Вести. РТР. 01.08.05].

Любопытны случаи, когда рекламные клипы разрывают тексты телепередач: во вновь выстраиваемой системе ценностей нравственным оказывается то, что прибыльно. Это подтверждается (по существу, утверждается) наиболее наглядно таким распределением времени выпуска новостей: «Через одну-две минуты [после «рекламной паузы»] у нас [в новостях] – падающие тополя [один из которых, как будет сообщено, проломил череп прохожей] и похищения людей» [Новости. ТВК. 03.09.01]. «Сразу после рекламы – подробности страшного происшествия на острове Отдыха [где утонули два подростка]» [Новости. 7 канал, 09.07.02]. «У мужчины в руках взорвалась боевая граната. Он вместе с четырехлетней дочерью госпитализирован... Подробности этого страшного происшествия – после рекламы» [Новости. Прима-ТВ. 07.07.03] и т.п. (См. еще о том, что «информационное агентство может, формально соблюдая требование беспристрастности, выразить свою позицию, сформировать у потребителя информации определенное отношение к ней»; это подтверждается, в частности, сопоставительным анализом текстов сообщений трех ведущих российских агентств [Лашук 2002]).

5. Еще один интересный манипулятивный прием – алогизм сообщения, причем, как правило, ориентирующего аудиторию на позитивную оценку излагаемой информации.

«Американцы не собираются их [ядерные боеголовки] уничтожать, в то время как Россия настаивает на утилизации [боеголовки]. Тем не менее, [российские] военные довольны результатами визита в США. Главное [!] – подготовить общую платформу для визита Джорджа Буша в Москву» [24. Ren TV – 7 канал. 17.01.02]; иными словами, каждая из сторон осталась при своем мнении, хотя американская – в явно выигрышной позиции: ведь таким образом не потребуется вновь тратить огромные средства на производство

ядерного оружия, а просто при необходимости извлечь его из хранилищ и установить на носители. Но российские генералы *довольны* – значит, всё хорошо...

«Россия стала практически полноправным членом НАТО. Правда [!], она не будет участвовать в решении вопросов о приеме новых членов – это внутреннее дело НАТО, но надо, чтобы Россия стала европейским государством, а не государством около Европы» [политолог А.Коновалов. Новости. ОРТ. 27.05.02] – из этой словесной эквилибристики зритель, вероятно, должен уяснить, что у «уважаемых россиян» есть большой повод для радости.

«Для пропаганды ЕГЭ среди учителей красноярских школ приглашен ведущий специалист по тестированию Марк Зельман из США... Это нашло понимание...» [Вести-Красноярск. 26.04.05]; однако, судя по показанным здесь же блиц-интервью с учителями, подвергшимся упомянутой пропаганде, они «так и не поняли, зачем всё-таки нужен ЕГЭ и в чем состоят его достоинства». Жаль, конечно, что есть еще такие косные педагоги, но ведь, оказывается, даже у них «нашло понимание»...

Почти полвека назад американский социолог Р.Миллс писал (разумеется, имея в виду современные ему СМИ США): «Массовые средства общения поставляют много всяких сообщений и известий о том, что происходит в мире, но редко дают возможность слушателю или зрителю по-настоящему поставить свою повседневную жизнь в связь с этой более широкой действительностью. Они не связывают поставляемую ими информацию по общественным вопросам с заботами индивидуума... Наоборот, они отвлекают внимание человека от основного, главного и затрудняют ему саму возможность познать самого себя и окружающий его мир» (цит. по [Кукаркин 1974: 479]) . Очевидно, российские теледеятели работают по тем же схемам.

В рамках данной статьи не представляется возможным достаточно подробно характеризовать во всем его многообразии арсенал манипулятивных приемов, применяемых в конструировании текстов телевизионных сообщений. Однако, вероятно, и приведенных примеров достаточно, чтобы иллюстрировать важнейшую функцию СМИ – функцию социального контроля (см. [Леонтьев 2003: 71]). «...С повышением способностей информационных систем в части их обучения акцент будет все более смещаться в сторону применения не огнестрельного оружия, а информационного: если систему [т.е. человека или государство] дешевле уничтожить и создать заново в нужном виде, чем переучить, то уничтожают; если же ее проще переучить, то переучивают» [Расторгуев 2003: 15]. Вероятно, с точки зрения манипуляторов, последнее оказалось более выгодным: Россию и ее народ (который, впрочем, теперь гораздо чаще именуют «населением» – (см. [Васильев 2005]) активно «переучивают». Великий русский писатель, сделавший пессимистический вывод: «Только в наше самоуверенное время популяризации знаний,

благодаря сильнейшему орудию невежества – распространению книгопечатания, вопрос о свободе воли сведен на такую почву, на которой нет и не может быть самого вопроса» [Толстой 1981: 339], конечно, не мог предугадать появления российского телевидения... Главное в его сообщениях – «идеи, внедряемые в наше сознание контрабандой» [Карамурза 2002: 811].

Значимость телевидения (не жалеющего на саморекламу сил и средств, в том числе и госбюджетных) возросла неимоверно, и вряд ли благотворно для здоровья общества (пусть и мифического «гражданского»; ср.: «Сегодня о результатах работы за прошлый год отчитается перед журналистами [не перед избирателями! – А.В.] депутат Госдумы Раиса Кармазина» [02.02.06]). Зачастую из противоречивых сообщений просто невозможно понять, что, собственно, считают истинным сами теледеятели; ср. содержание высказываний ведущего новостей и корреспондента той же компании, включенных в один сюжет: «[Ведущий:] Вирус птичьего гриппа добрался до Крыма... Отчего погибли эти птицы – неизвестно... [Корреспондент:] Замерзли птицы или погибли от гриппа – не выяснено» [Сегодня. НТВ. 02.02.06]. Последствия тиражирования невежества иногда оказываются весьма серьезными – правда, не для его распространителей: «Это день [Ивана Купалы], который дает начало купальному сезону [!], но не вся молодежь об этом знает... *Сегодня можно волю обливаться водой*» [Н. Жабько. Новости ТВК. 07.07.98] – и: «К сожалению, как и в прошлом году, этот праздник не обошелся без жертв. Был сбит машиной четырнадцатилетний мальчик, который выбежал на дорогу, спасаясь от обливавших его друзей» [Н. абыко. Новости ТВК. 08.07.98].

Неоднократно говорилось о почти магической силе слова; она подтверждается и новейшими научными исследованиями. Так, заведующий кафедрой клинической психологии красноярского госуниверситета В.Кожевников считает, что «мы знаем, как слово наше отзовется»... Слово может вызвать изменения на геномном уровне» [Обозрение-7. 7 канал. 01.12.02].

Следует сказать, что многие теледеятели хорошо понимают это: «До сих пор телевидение заменяло собой всё, чего не было в природе» [М. еонтьев. Однако. ОРТ. 24.04.01]. «Телевидение варьирует ложь, делает ее светлее или грязнее» [А. Невзоров. Однако. ОРТ. 24.04.01]. «Четвертая власть давно стала первой, поскольку, манипулируя словом, можно манипулировать сознанием... Под влиянием сообщений о катастрофах, убийствах и прочей негативной информации у человека пропадает желание жить» [А. Мартыненко. Обозрение-7. 7 канал]. «Продажность [журналистов]? Да, продажность, но она все-таки [!] как бы опосредована симпатиями журналистов» [Е. Сажина. Пресс-клуб. 7 канал. 15.01.03]. «Намек на реалии» – так теперь принято называть реальность, которую загнали в телеящик» [Неделя. Ren TV. 21.08.05] и т.п. В общем, «его не удивило такое отношение телевизионщиков к своему труду, хотя степень духовной извращенности этих людей давала возможность допустить, что кто-то из них даже любит свою работу» [Пелевин 1999: 72-73].

В заключение приведем еще одно сообщение местного телекана-

ла: «В деревне Ивановка Партизанского района осталось всего пять жителей... У людей нет ни телевизора, ни радио, и они чувствуют себя вполне счастливыми» [Новости. Прима ТВ. 02.08.05]. Может быть, это естественно?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург, 2006.
- Быкова О.Н. Языковое манипулирование // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. 1(8). Красноярск-Ачинск, 1999.
- Васильев А.Д. Судьбы заимствований в русской лексике. Красноярск, 1993.
- Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире. М., 2003.
- Васильев А.Д. От народа – к «населению» // Материалы XXXIV Международной филологической конференции. Вып. 6: Русский язык и ментальность. Ч.1. – СПб., 2005.
- Васильев А.Д. Современные национальные загадки // Материалы XXXV Международной филологической конференции. Вып. 13: Русский язык и ментальность. Ч.1. – СПб., 2006.
- Ветров С.А. Идеология и ее язык // Язык. Человек. Картина мира. – Омск, 2000.
- Гарднер Дж. Осенний свет. М., 1981.
- Губогло М.Н. Представления толерантности и толерантность представлений // Мир русского слова. 2002. №5.
- Достоевский Ф.М. Собр. соч. в десяти томах. – М., 1957.
- Доценко Е.Л. Психология манипуляции. М., 1996.
- Иванец Г.И., Червонюк В.И. Глобализация, государство, право // Государство и право. 2003. №8.
- Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2002.
- Кукаркин А.В. По ту сторону расцвета (Буржуазное общество: культура и идеология). – Под общей редакцией А.Н. Яковлева. – М., 1974.
- Лашук О.Р. Проявление авторской позиции в материалах информационных агентств // Мир русского слова. 2002. №5.
- Леонтьев А.А. Деятельность СМИ в системе процессов общения // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М., 2003.
- Любимова А.А. Рождественские чтения 2005. Prokimen.ru.
- Миронова Т. Всеоружие // Советская Россия. №112. 25. 09. 97.
- Ножин Е.А. Проблема определения массовой коммуникации // Психолингвистические проблемы массовой коммуникации. М., 1974.
- Оруэлл Дж. 1984 // Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. М., 1989.
- Остроушко Н.А. Речевое воздействие как лингвистическая проблема (К понятию языкового манипулирования) // Мир русского слова. 2002. №5.
- Пелевин В. Generation «П». М., 1999.
- Расторгуев С.П. Философия информационной войны. М., 2003.
- Рогозина И.В. Функции и структура медиа-картины мира // Методология современной психолингвистики. М.-Барнаул. 2003.
- Семенюк О.А. Язык эпохи и его отражение в сатирико-юмористическом тексте. Кировоград, 2001.
- Сергеева А.В. Русские: Стереотипы поведения, традиции, ментальность. – М., 2004.
- Словарь иностранных слов. Изд. 7-е. М., 1979 [СИС 1979].
- Советский энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М., 1983 [СЭС 1983].